

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

ГОГОЛЬ БЕССМЕРТЕН

“Вставить два юмора”

В отделе пропаганды ЦК комсомола в качестве инструкторов у нас работали ребята из разных областей Советского Союза. До этого они работали обычно главными редакторами молодёжных газет. И, как водится, писали для разных начальников доклады по разным вопросам. Одним из инструкторов был и Саша Гаврилов, приехавший из Луганска. Там первым секретарём обкома партии работал колоритный мощный бородатый мужик Михаил Шевченко. Я запомнил его, когда мы с космонавтом Волыновым приняли участие в открытии музея молодёжной подпольной организации “Молодая гвардия” в Краснодаре. Но для Саши Гаврилова он был известен как автор знаменитой фразы: “Гаврилов, начинай писать доклад и обязательно **вставь два юмора**”. Какие факты надо было вставить, Шевченко не говорил. Пишущий доклады Саша сам догадывался и находил. Фраза **“вставить два юмора”** стала для нас не только юмористической, но и знаковой.

“В тайгу приезжай, а то совсем одичаш!”

Георгий Макеевич Марков, много лет бывший Председателем Союза писателей СССР, долго писал свой известный роман “Сибирь”. Один из его героев – дед Фишка, – вполне вероятно, был списан с реального человека, который наезжал к нему из тайги в Москву. Георгий Макеевич любил, хитро прищурившись, рассказывать, как приехавший дед спрашивал его: “А ты, Макеич, на речку-то ходишь?” – “Да, когда, дедушка? Под душ или, в лучшем случае, в ванну”. – “А ходишь, Макеич, в баньку?” – “Да что ты, дедушка, тут как напарят в ЦК, что никакого венчика и банщика не надо!” – “Ну, а на рыбалке-то бываешь?” – “Да нет, дедушка, тут самого на крючок ловят!” Дедушка вздыхал и говорил доверительно, обращаясь к писателю: “А ты вырывайся к нам, Макеич, в Сибирь, **в тайгу, а то совсем одичаш**”.

“Это же Слуцкий!”

(Исполнять указания ЦК было нелегко)

Когда я был назначен директором книжного издательства “Молодая гвардия”, то куча указаний из ЦК партии и Комитета по печати обрушилась на мою голову. В том числе и такое: больше одной книги одного автора в план года не ставить. Действительно, шустрые авторы обходили издательства и, пользуясь знакомством или связями, или даже родством, получали разрешение на

выпуск 3–4 книг в году. Это, как говорят поляки, “занадто, а что занадто, то не здраво”. Я “почистил” планы, снял излишества. Одним из таких излишеств было три поэтических книги поэта Бориса Слуцкого. Кое-кто из работников издательства предостерег: “Но это же Слуцкий!” Ну, и что, указание ЦК для нас важнее, а из трёх книг выберем лучшую. Но не тут-то было! Раздался звонок из Союза писателей. Звонил Юра Верченко: “Валерий, ты там не свирепствуй – это же Слуцкий!” – “Да я не свирепствую, а исполняю указание ЦК”. Юра немного поуговаривал, но понял, что против ЦК нет сил. Успокаиваюсь. Вдруг звонок из ЦК от замзавотделом культуры. Начал официально (хотя мы до этого дружили, да и были соседями по дому): “Валерий Николаевич, не с того начинаете. Это же поэзия, это же Слуцкий!” Я начинаю заводиться, хотя звонок довольно серьёзный: “Юрий Серафимович, выполняю указание ЦК партии”. В трубке была небольшая пауза: “Внимательно отнеситесь к автору”. Начинаю наглеть и говорю елеынным голосом: “Ну, а что указание ЦК, не выполнять?” Ещё пауза, и уже явно не для меня, а для того, кто сидит рядом: “Валерий Николаевич, будьте внимательны к творческой интеллигенции”. Приступ и атака закончились. И лишь через несколько лет, после 1991 года я прочитал в “Независимой газете”, что Борис Слуцкий – родной брат шефа израильской разведки. Ничего себе, но вполне возможно... Кто же посылал тогда ко мне свои сигналы? “Бнай брит”, КГБ, Союз писателей, ЦК партии? В общем, книгу Слуцкого мы выпустили (ничего книга!), но одну.

“Открывается дверь и входит...”

В 60-е годы у меня был холецистит, то есть воспалён был желчный пузырь, и доктор категорически посоветовал не есть солёного, жирного, острого.

В субботу мы поехали в дом отдыха “Берёзка”. Светлана наказала девочкам, Марине, Вите и Кате, следить за мной, чтобы не съел чего-нибудь лишнего. Утром мы пошли завтракать и – о радость! – нам приносят на закуску красную рыбу, что было, честно говоря, не часто. Я, зная, что мне вроде бы её нельзя, спрашиваю у девочек: “Может, попробую?” Марина строго и решительно сказала: “Папа, ты же знаешь, что тебе это вредно”. Я обратился к Вите. Она, потупившись, сказала: “Дядя Валера, вам же нельзя”. С последней надеждой я обратится к шестилетней Кате, которая всегда была доброжелательна ко мне. Она, явно не желая меня обидеть, но исполняя наказ, убедительно сказала: “Дядя Валера, представьте себе, что вы накаливаете на вилку рыбу, подносите ко рту, и тут открывается дверь, и входит тётя Света!!!” Да, это было убедительно, и каждый раз, что-нибудь нарушая или предполагая нарушить, мы говорим: **“Вдруг открывается дверь и входит...”**

Тираж больше, чем народ

Уникальное всё-таки это было издание – “Роман-газета”, и не только у нас в стране, но и во всём мире. Регулярное издание романа или повести имело разовый тираж до полутора-двух миллионов. А произведения большей частью были высокой художественности и истинной нравственности. Там были напечатаны М. Шолохов, Л. Леонов, В. Распутин, В. Астафьев, К. Симонюв, П. Проскурин, Р. Гамзатов, В. Белов, Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Пикуль и другие сегодняшние и вчерашние классики.

В разгар перестройки я нашёл выход против партийно-либеральной цензуры. Мы напечатали список авторов и их произведений по предложению читателей и из них определили план. Тираж вырос до четырёх миллионов. Небывалый эффект: художественное, не гламурное, нравственное произведение получало невиданный тираж. В связи с этим вспоминаю случай, который произошёл в 1989 году. Выпустили роман каракалпакского писателя Каипбергенова об исчезающем Аральском море. Он заходит ко мне со слезами, я встревоженно спрашиваю: “Что с тобой? Что случилось? Почему плачешь?” Он вытер слёзы и со смущением сказал: “Ты знаешь, **мой народ насчитывает едва ли миллион человек, а вы выпустили мой роман тиражом четыре миллиона!**”

Да, тиражи были фантастические! Достигнем ли мы снова когда-нибудь такого уважения к художественному слову?

“Все прогрессы реакционны, если рухнет человек...”

Судьба свела меня с поэтом Андреем Вознесенским в далёком 1964 году. Он принёс к нам в журнал “Молодая гвардия” свою поэму “Оза”. Главный редактор Анатолий Никонов почитал её и испытующе поглядел на меня: “Ну, что, ставим?” Я, не очень уверенный в своих литературных предпочтениях, нерешительно сказал: “Наверное”. — “Вот я уезжаю в отпуск — доведёшь дело до конца”. Мы с Сергеем Высоцким, ставшим ответственным секретарём журнала после ленинградской “Смены”, ещё раз прочитали “Озу”, взрывоопасных мыслей не нашли, а выражение из поэмы: **“Все прогрессы реакционны, если рухнет человек”** — нам очень понравилось. Ну, а некоторая разорванность поэмы, её конструктивистские схемы, рифмованные лесенки нас не испугали — поэт современный, да и его профессиональное образование (он архитектор), как нам казалось, сказывается на поэтическом строе автора. Позднее мы узнали, что Оза — это шифровка имени его жены Зои, ушедшей от своей семьи и двоих детей к Андрею. Он от неё тоже уходил, но вернулся, — магнетизм притяжения! Вот и для нас поэма имела свой магнетизм, да ещё и преклонение перед созданным прессой авторитетом поэта. Номер с “Озой” вышел. И вдруг вызывают меня на секретариат в ЦК комсомола. Сажусь перед длинным столом, где заседают “небожители”. Павлов (первый из них), нахмутив брови, говорит о поэме “Оза”, напечатанной в “Молодой гвардии”. “Поэма слабая, с модернистскими выкрутасами, проще говоря, выпендриванием. Объявляем выговор Валерию Ганичеву, Никонов был в отпуске”. Когда я попытался встать, чтобы высказать свою точку зрения, он рукой показал, чтобы я сидел, и сказал: “Всё. Можешь быть свободен”. С возмущением и с невысказанным гневом в душе я вышел. Как можно, не получив никаких замечаний, вдруг получить выговор?! Иду домой. Страстно говорю Светлане: “Всё, я ухожу с работы, возвращаемся в Николаев (откуда я приехал три года назад)”. Она, поддерживая меня, с сочувствием сказала: “Делай, как считаешь нужным”. Я утром написал заявление, пошёл к Криворученко (зав. общим отделом) и торжественно вручил ему заявление. Он взял заявление и сказал: “Смотри и слушай!” Достал бумагу и зачитал: “За публикацию слабой в художественном и идейном смысле поэмы “Оза” зам. главного редактора журнала “Молодая гвардия” В. Н. Ганичеву объявить выговор. Видишь?” “Да, вижу”, — с вызовом отвечаю я. “Больше не увидишь”, — и при мне на четыре части разорвал решение. “А заявление забери на память. Свободен”, — с улыбочкой сказал он. Не очень понимая, что произошло, я вышел. Лишь потом я понял, что Павлов “сыграл” на секретариате перед инструктором ЦК КПСС, обсуждение прошло, выговор вынесен, а бумажку разорвали. Ох, ещё многому пришлось мне в жизни поучиться у опытных руководителей!

Что касается Вознесенского, то я, испытывая неистребимое любопытство к его вычурным и необычным стихам, опубликовал в издательстве “Молодая гвардия” книгу “Ямочки в тазу” и получил очередной нагоняй от Евгения Тяжелникова, который передавал мне “мнение старших товарищей”. Из-за Андрея мне ещё раз пришлось получить “втык”. Как-то он зашёл ко мне и стал жаловаться на своё житьё-бытьё, мол, за границу не пускают. А мы в “Комсомолке” организовали лыжный поход на Северный полюс. Через три дня должен был вылететь самолёт, чтобы на полюсе встретить экспедицию и отметить это событие поднятием флага Советского Союза и спуском капсулы от газеты и её читателей на дно у полюса. Андрей запричитал: “Возьмите меня на борт, приеду, привезу хорошие стихи, клянусь!” Я подумал, что это будет неплохо, то есть, по сегодняшнему говоря, приличный пиар для нашей экспедиции.

Дал добро, разрешил вписать в список, в котором уже был Василий Песков.

Экспедиция закончилась, флаг подняли, батискаф опустили, вокруг Северного полюса прошли хороводом, самолёт прилетел. Андрей появился на второй день, принёс хорошие, вполне “советские” стихи, хотя не знаю, включал ли он их в следующие свои книги. А мне опять попало в ЦК партии: “Вы же знаете, что ему запрещён выезд? Зачем взяли?” Я уже научился демагогически отвечать на такого рода вопросы и сказал: “Но его задерживают только за границу, а Северный полюс-то наш, советский. Или не наш?” Опешивший инструктор не сразу ответил: “Да нет, наш, но вы его не пошли-те за границу”.

За границу мы его и не собирались посылать – это по линии ЦК он ездил во Францию и Италию, чтобы писать поэму о Ленине. Неисповедимы пути Господни!

Правда, когда меня “выперли” из “Комсомольской правды”, Андрей написал в “Литературке”, что вот, мол, мы с Ганичевым люди разных идеологических взглядов, но он, однако, меня напечатал. Ну, что тут рассуждать о взглядах? Вот строчки **“Все прогрессы реакционны, если рушится человек”** вполне противостоят безудержным восхвалителям либерального прогресса.

Палестина разрешает взлёт

1973 год. Бейрут. Я ошеломлён красотой, сиянием города. Если честно, то, побывав в Париже, Вашингтоне, Токио, Стокгольме, Дели, такой умиротворяющей красоты в облике города ещё не видел. Бейрут – банк Ближнего Востока, сюда стекаются деньги всех нефтяных держав этого района, да и СССР имеет тут свой зарубежный банк. Мы (Комитет молодежных организаций СССР) проводили тогда здесь пятидневный фестиваль молодёжи Советского Союза и Ливана. Красиво и благородно. Но вот сквозь эту красоту пробиваются горе и нужда. В христианском в общем-то городе видны горестные лица, чувствуется беда. Острее, конечно, это чувствовалось за городом, где были лагеря палестинских беженцев. Тысячи, сотни тысяч людей изгнаны с их родных мест, из сёл и городов, которые остались на территории Израиля. Вечером к нам в отель зашли двое молодых парней и предложили встретиться с делегацией палестинской молодёжи. Я полномочий на это не имел. Но главным было не в этом. Завтра – встреча в Бейрутском университете, послезавтра – в Советском культурном центре, спортивные соревнования, а затем мы улетаем в Ирак (там тоже был фестиваль). Некогда. Палестинцы настаивали. Потом один из них с лёгкой улыбкой сказал: **“Да из Бейрута ни один самолёт не взлетает без разрешения палестинцев”**. Намёк был вполне определённый, да и ребят я встречал в Москве на молодёжном форуме. Через день они зашли за мной в гостиницу, и мы проехали к одной из шикарных гостиниц города, в гостиничный ресторан. Швейцар, растопырив руки, бросился навстречу расхристанной ватаге молодых парней. Те в белых простых рубашечках с короткими рукавами негромко сказали: “Палестина”. Швейцар отступил. А ребята со мной сразу прошли к окошку, вытащили из-под рубашки короткий автомат и положили его на подоконник. Дамы – в дорогих манто, мужчины – в щегольских костюмах, но через пять минут их в зале уже не было. Я поговорил с представителями молодёжной организации, рассказал, что советская молодёжь продолжает стремиться на целину и на БАМ, проводит поход по местам боевой славы и многое другое, проявляет солидарность со всеми, кто борется с империализмом. Через час обед закончился. На следующий год в Берлине, на Всемирном фестивале молодёжи, во время митинга солидарности я рассказал Ясиру Арафату, лидеру Палестинского движения, о встрече в Бейруте. Он усмехнулся и сказал: “Ребята молодые, прихвастнуть любят...” Не знаю, не знаю, но на следующий день наш самолёт благополучно вылетел в Багдад.

80! Не юбилей, а круглая дата

Пожалуй, это был один из самых счастливейших дней моих жизни. 10 сентября 2013 года в Храме Христа Спасителя, в зале Церковных Соборов был проведён торжественный вечер русской православной культуры и литературы, посвящённый моему 80-летию юбилею. Выступил Патриарх Кирилл, сказал возвышенные слова о Союзе писателей, Всемирном Русском Народном Соборе, о Святом праведном адмирале Ушакове, о событиях, относящихся к юбиляру. Юбиляр был награждён орденом Святого преподобного Сергия Радонежского I степени и получил в качестве подарка икону Божией Матери “Знамение”. Ганичева поздравили три президента – России, Белоруссии и Украины. Сказка! Ан, нет, всё это не было юбилеем. В заключительной части своего выступления Святейший Патриарх сказал буквально следующее: **“Сердечно приветствую Вас в связи с Вашей замечательной круглой датой. Юбилей мы будем праздновать через 20 лет, а вот знаменатель-**

ная круглая дата выпадет на этот год», – и попросил огласить Патриаршую грамоту.

Вот так: отнюдь не юбилей, а круглая дата (Сергей Котьяло объяснил, что в Церкви отмечают только два юбилея: в 50 и 100 лет).

Придётся жить до юбилея!

“Хинди-руси – бхай, бхай!”

В 1967 году я возглавил небольшую делегацию молодёжи, отправлявшуюся в Индию. Там мы оцепенели перед одним из чудес света – дворцом Тадж-Махал, подивились миллионной нищете Бомбея, встречались с молодёжью в университете, в конце поездки оказались в южном штате Керала. В этом штате большая часть населения – христиане и друзья нашей страны. нас пригласили на праздничное шествие левых партий. Трибуна, где мы стояли, была перед громадной площадью, которая заполнялась и заполнялась пляшущей и поющей толпой. Десять тысяч, тридцать, потом пятьдесят, сто, двести, триста, возможно, пятьсот. Демонстрация была украшена красными флагами, гигантскими бумажно-картонными драконами разной расцветки. Драконы, поддерживаемые длинными палками и канатами, извивались, в головах и вдоль их туловища горели фонари, вспыхивали петарды, из громкоговорителей неслись призывы местных вождей. И вот главный из них обратился ко мне и попросил сказать слово. О чём? Что близко этим миллионам людей? Перед отъездом в Индию мы в “Молодой гвардии” сделали на цветной пластмассе портрет Юрия Гагарина. Я попросил у Юрия Алексеевича разрешения подарить этот портрет в Индии. Он, конечно, согласие дал. И вот час пришёл. Я вышел и сказал всего несколько слов: “Дорогие друзья! Вам просил передать поклон и привет первый человек в мире, который побывал в космосе, – и показал пальцем вверх. – Это наш земляк, советский космонавт Юрий Гагарин. Он просил передать вам, вашему штату Керала этот портрет”. Я поднял над головой небольшой портретик Гагарина. Что тут началось! Все пятьсот тысяч вскричали: **“Хинди-руси – бхай, бхай!”** – **“Русские и индусы – братья!”** Этот лозунг нам всем был тогда понятен. Заходили из стороны в сторону красные флаги, заметались драконы и другие чудища, зажглись тысячи фонарей, из репродукторов раздались громоподобные “Подмосковные вечера”. Ко мне подходили десятки одетых в белые одежды и слегка прикрытых материей людей. Одни кланялись, другие обнимались, невиданной красоты индианки посылали ласковые улыбки и махали руками. Пожалуй – да что пожалуй! – я никогда и не имел такого успеха! Юра Гагарин, когда я рассказывал об этом, немного посмущался и сказал: “Такое внимание нам всем!” Да, тогда у нас у всех был великий символ, который был известен и понятен всему миру.

“А вы танками утюжили СССР...”

В чешском издательстве “Млада фронта” “восстанавливалось дыхание” после 1968 года. Одна из чешских женщин-редакторов, дочка пролетария, яростно поддерживала ввод советских войск, или, скажем, ввод войск стран Варшавского договора. Она со злостью говорила ехидным оппонентам: “Да вы вообще не умеете сопротивляться. Вам бы только пиво у “Калиха” пить (где у Швейка мы и были). Вы все Швейки. Судеты отдали немцам в 1938 году запросто”. Оппоненты слегка сопротивлялись: “Мы же в войне с Советским Союзом не участвовали”. Мария, так, кажется, её звали, возмутилась: **“А вы забыли, что все танки, вторгшиеся в Советский Союз, были чешские, и вы ими утюжили Россию”**. Честно говоря, я тогда не знал об этом, узнал позднее, что в Пльзене делались чехами для вермахта фактически все танки. Как-то быстро забылись услуги фашистам, оказанные в Чехословакии. А потом долго можно было разговаривать о демократии, раздавленной в Чехии советскими танками... А сколько немецко-чешских танков раздавили (в прямом смысле) русских людей в 1941–1944 годах?

Мария напоминала забывчивым. Кажется, не впрок. Стоны о демократии повторялись часто, о танках для фашистов никто не вспоминал.

“Капитал” в джунглях

1979 год. Летим в Лаос налаживать связи с молодёжной организацией после многолетней борьбы лаосцев с французами и американцами. Какие-то проблески молодёжной организации появились. С секретарём этой организации ходим по почти игрушечной столице Луанг Прабангу. Миниатюрные буддистские храмы, пагоды для меня в новинку. Секретарь предлагает слетать на север: “Захватчики его так и не взяли во время войны!” Летим на маленьком допотопном самолётике типа нашего легендарного У-2. Он с некоторой отдышкой трещит, виляет среди высоких, заросших лесами гор. Сзади верещит прихваченный лётчиками поросёнок, чувствует своё будущее.

Ещё один нырок в ущелье, и, хоть не высший пилотаж, садимся на маленьком аэродроме, вполне попадая на полосу. Хм, а как же сюда доставляли советские ракеты, которые и не дали возможность разбомбить и захватить Север? Нас встретили двое военных в камуфляжных костюмах, по-видимому, местные генералы, которые сразу повели нас на боевые пункты, расположенные в пещерах и гротах. Вот оттуда-то недосыгаемые для американцев и выезжали, почти выскакивали на “газиках” и на дрезинах ракеты (ясно, что советские), поражали самолёты. Бомбы же и ракеты американских самолётов попадали в горы, не поражая противника. Вокруг пещеры было сбито немало американских самолётов, катапультирующихся лётчиков захватывали в плен и помещали в огороженный бамбуком лагерь, не очень охраняя. Из лагеря, как сказали лаосцы, никто ни разу не убежал: кругом джунгли, ядовитые змеи, болота. Лучше было оставаться под присмотром незлобивых в быту лаосцев. Генералы с гордостью повели в пещеру правительства – тут сидел “сам Суфанувонг”.

В Лаосе мудрый король разделил свих сыновей по политическим силам, действующим в стране. Принц Бун Ума с генералом Фуми Носаваном были проамериканцами, поддерживали с ними связи, нередко жили в Штатах, второй сын Суванна Фума был центрист, косился на Поднебесную, посещал Москву и Пекин. Суфанувонг был человеком левых взглядов, во Франции познакомился с коммунистами, держал связь с Москвой.

Генералы завели нас в пещеру, посредине стоял стол, над которым свисала электрическая лампочка без абажура, на нём лежала толстая книга. **Мы подошли к столу, на 17-й странице был открыт “Капитал” К. Маркса на французском. Почему-то эта толстая книга всегда вызывала глубокое, почти религиозное чувство у всех революционеров.** Хотя какой “Капитал” можно изучать в Лаосе, да ещё и на пустынном севере?

Генералы вывели нас на улицу, подвели к круглому столу, где стояла большая, наполненная жидкостью фляга. Они с гордостью сказали: “Сделана из алюминия сбитого американского самолёта”, – и предложили выпить из алюминиевых “самолётных” кружек.

Мы ещё раньше обнаружили, что генералы сносно говорят по-русски, заменяя “р” на “л”. “Товалищи! Пледлагаем выпить за наших длузей, – хитро улыбнулись они, – Иванова, Петлова и Сидолова, которые помогали нам наводить ракеты”. Конспирацию боевые ребята соблюдали. Мы согласились и почти опорожнили кружки.

И, Боже мой, что с нами было! Дыхание остановилось, жар запылал внутри, спазмы жгали дыхание. Мы лихорадочно смотрели на стол, искали необходимую в таких случаях закуску, но её не было! Генералы, поняв наши страдания, показали на куст и провели рукой вдоль веточки. Пук зелёных листьев оказался у них во рту. Лихорадочно сделали это и мы. Чуть отлегло, затухло, но на предложение повторить мы замотали головами. Генералы улыбнулись, наполнили кружки: “Советские товалищи нас всему холошо научили! Лакеты наводить и шум-шум пить!” Так мы узнали, что напиток (или местный самогон) имел такое понятное и незамысловатое название. Побыли ещё немного на базе, посмотрели на эти сказочные горы, поняли, что защита Лаосу обеспечена, и полетели обратно в Луанг Прабанг. Поросёнок, судя по всему, нашёл пристанище и не верещал. Когда прилетели в столицу, у аэродрома большая толпа в оранжевых одеждах пританцовывала, бил в барабаны, дудела в какие-то дудки. Свадьба? Да, нет, человек умер, ушёл в лучший мир, все радуются за него, сопровождают в последнюю дорогу.

Да, Восток есть Восток, и никто его не поймёт.

Ганичев – болгарская фамилия

В Киевском университете нам преподавала курс “Истории южных и западных славян” доцент Наталья Сергеевна Чиколини. Красавица, судя по фамилии, итальянка, жена секретаря ЦК КПУ Червоненко. К преподавательским обязанностям она относилась со, скажем так, доброй беззаботностью. Семинаров не вела, скучных коллоквиумов не устраивала, а читала два раза в неделю спецкурс. И вот на тебе – уже экзамен! Смотрим друг у друга конспекты, нашли на весь курс один учебник из Москвы. Начинаем сдавать. Я захожу с опаской, смотрю билет из двух вопросов, готовлю конспектик. Она тоже смотрит в ведомость и громко вызывает: “Ганчев”. Выхожу и начинаю громко отвечать про чешское королевство Средневековья. Она слушает и говорит: “Ганчев, вы хорошо говорите по-русски”. А в это время, в 52-м году, у нас в университете появилась первая группа иностранцев. Это были болгарские студенты – мы с ними возились на всех уровнях. Я начинаю подозревать, что Наталья Сергеевна принимает меня за болгарина (вспоминаю, что Ганичев, почти что Ганчев, – часто встречающаяся в Болгарии фамилия), но молчу. “Ну, хорошо, – говорит она, – этот вопрос вы изучили, давайте второй”. Я читаю: “История второго болгарского царства”. Людмила Сергеевна перебивает, всплескивает руками: “Ну, этот-то вопрос вы, наверняка, знаете”. Я выжидательно смотрю на неё. “Давайте зачётку”. Расписывается – “отлично”! Я ошеломлённо выхожу. Вроде бы и не обманул, да и вопрос второй, пожалуй, знал. С тех пор я всех поправлял: **“Ганичев, не путайте с Ганчевым.** Русский я знаю, историю второго болгарского царства тоже”.

“Какой же ты ещё молодой!..”

Человек необычайной внутренней красоты и расположенности к людям, Серафим Карпович Царукьян был нашим другом и замминистра по строительству оборонных объектов. Под стать ему и его жена – красавица Аида. Серафим Карпович с гордостью говорил мне: “Знаешь, когда она шла по городу (а они были из наших армян из Ростова), то под её каблуками снег таял”. Как старший, он нередко поучал меня: **“Валера, какой же ты ещё молодой!”** (а мне-то уже 60!) – “Почему?” Я в то время препирался со Светланой, что мне надеть на улицу. “Почему же?” – **“Ты до сих пор спиришь со своей женой”.**

“Мы русские, с нами Бог!”

В 1982 году после “изгнания” из “Комсомолки” я пригласил группу писателей поехать к землякам в город Николаев, в Причерноморье.

Был с нами Иван Стаднюк, Ирина Ракша, Александр Проханов, Юра Медведев, Алик Лиханов, Гена Серебряков, Валя Свининников. Выступили здорово, при полных залах, интересно во всех аудиториях. В последний день поехали на базу торпедных катеров в город Очаков. Выступили при полной и чёткой дисциплине. Однако затем развернулась “великая баталия”, как сказал Саша Проханов. Все переехали на довольно пустынную Кинбурнскую косу, бывшую тогда закрытой зоной и заповедником. На косе, имевшей славную историю (тут в 1787 году Суворов дал бой турецким янычарам из Очакова), сохранились стены церкви, где молился Александр Васильевич перед сражениями. Мы пришвартовались к самому кончику косы, где стоял бюст Суворова. Торпедники застелили громадный брезент, привезли бидоны с прекрасным вином и водочкой, набросали на брезент всяких вкусностей. А дальше пошли стихи и песни. Особенно запомнилось, что каждый, кто выходил к расположенному рядом с нами бюсту Суворова, должен был рассказать историю и прочитать патриотические стихи. Когда поиссякли, Саша Проханов подошёл к бюсту, чокнулся с Суворовым (рюмка, правда, развалилась) и произнёс известные всем слова Суворова: **“Мы русские, с нами Бог!”** К печали нашей бюст Суворова был украден и, возможно, переплавлен в наше время. Потом, правда, с помощью местного депутата установили какую-то плиту с надписью “О. В. Суворов”, что возмутило жителей.

А тогда замполит тихо спросил у меня: “А что, в Москве уже Бога признают?” Я подумал и ответил: “А как же! Вот Брежнев Данилов монастырь отдал Церкви”. Замполит, кажется, был удовлетворён ответом.

“Русский, немец и поляк танцевали краковяк...”

1939 год. Мы живём в Сибири на станции Марьяновка. Где-то в Европе началась Вторая мировая война. Польша раздавлена за несколько дней Германией. Наши войска в сентябре освободили Западную Украину и Западную Белоруссию. Колька Плотников, немножко хулиган и матершинник, поёт лихую частушку:

*Русский, немец и поляк
Танцевали краковяк.
Русский вытащил бутылку —
Хлоп поляку по затылку,
Немец вытащил наган —
Хлоп поляку по зубам.*

Мы, мальчишки, особенно ничего не понимали в незатейливых стихах. А там была заложена большая трагедия Польши. Правда, первым вытащил наган немец в августе 1939 года, когда началась Вторая мировая война. А уж 17 сентября, когда Польша была повержена, “русский вытащил бутылку”. Нынешние бандеровцы никак не хотят признавать, что Западная Украина была присоединена и воссоединена с остальной Украиной Советским Союзом, то бишь Россией. А частушечку кто сочинил?

“За мной гонятся шпионы...”

Известный писатель-детективщик Юлиан Семёнов (достаточно вспомнить “17 мгновений весны”!) дружил с издательством “Молодая гвардия” (мы его не раз издавали). И куда бы я ни приехал, он находился там. В Польшу — там Юлиан Семёнов, в Прагу — там Юлиан Семёнов водит нас по всем швейковским пивным местам. Прагу знает досконально. Особенно он поразил меня в Бонне (1980 год!), где зашёл ко мне в гостиницу (я был там по приглашению журналистов) и сказал, что ему надо поговорить со мной наедине. Надо, так надо. Поехали. Он за рулём. Едем на север города. Вдруг он резко разворачивается и выезжает в какой-то тёмный переулок, затем туннель, опять переулок. Я беспокойства не обнаруживаю. Он же совершает невиданные виражи, разворачивается на юг города. Начинаю понимать, что он крепко выпил. Всё равно не беспокоюсь. Авторитет Юлиана непоколебим. Он же совершает какие-то невиданные развороты, уходит в какие-то туннели, вихрем выезжает на отшлифованные автобаны, съезжает с них, видит, что я не беспокоюсь, склоняется ко мне (я сижу рядом) и шепчет: **“За мной гонятся шпионы”**. Я всё равно из себя не выхожу, а он нагнетает: “Установлена слежка, я от неё уйду”. И снова — то в туннель, то на эстакаду. Ветер свищет. Начинаю догадываться: Юлиан прочерчивает очередную сцену погони для очередного детектива. Наконец, полностью запутав меня, подъезжает к двухэтажному особняку, бросает у входа машину. Мы заходим в дом. “Вот это моя вилла, я с твоего разрешения могу лечь спать? Устал. Вот холодильник, вот проигрыватель, вот “Бони-М”, слушай, ешь, когда надоест, спи”. Да, с тех пор я выучил “Чингисхана” и весь репертуар “Бони-М”. Через пару часов и я заснул.

Утром Юлиан, как ни в чём не бывало, спросил меня: “А ты разведку за нами не заметил?” Отвечаю, что нет. Он соглашается, тоже не заметил. “А зачем так гонял?” — “Так своего героя “проигрывал”. — “Ну, и что?” — “Ты знаешь, по-моему, он запутал противника”. Посмеялись. Выпили пивка. Но когда ехали в гостиницу, я всё время оглядывался.

Из гурзуфской “бочки” на всю жизнь

В 1965 году мне дали очень дешёвую путёвку в молодёжный туристический лагерь “Спутник” в Гурзуфе. Нас, так называемых отдыхающих в “Бочке” (это такой жестяной ангар), наверное, человек 10–15, все молодые, сильные, здоровые, всё время были на море. Днём в “Бочке” нестерпимо жарко, она накаляется. Возвращаемся к вечеру. Утром пытаемся поспать подольше, пока не разогреется. Рано утром ворвалось на свободную койку, как сейчас го-

ворят, “лицо кавказской национальности” и громко заявило на всю комнату: “Ребята, что пьём? Давайте купим бочоночек местного вина и будем распивать”. Я ещё из-под одеяла буркнул: “Ты чего здесь с утра порядку устанавливаешь?” Он обернулся: “А ты что, монах?” (Мы по молодости называли друг друга на “ты”.) Я высунулся из-под одеяла и довольно невежливо сказал, увидев гостя: “Знаешь, друг, ты свои законы устанавливай на рынке”. Он вдруг стал такой беззащитный, по-мальчишески обиженный и спросил: “На каком рынке? На каком рынке? Я в Тикси секретарь райкома, а вообще-то полярник-метеоролог из Ленинграда”. Стало стыдно. Я протянул руку: “Валерий!” – “Артур!” – “Так ты в Тикси Дедом Морозом работаешь?” – “Нет, ви-ночерпием”. Бочонок вина был, конечно, тут же куплен. Так это рукопожатие протянулось почти на 50 лет! **Один из самых героических парней России, Герой Советского Союза и Герой России, человек, опустившийся на дно у Северного полюса, покоривший Северную и Южную макушку земли,** стал с той поры одним из самых близких и дорогих в нашей семье людей. Артур Чилингаров. У нас дома есть даже диван Чилингарова, на котором он часто спал, ворвавшись ночью из Тикси, Якутска, Нарьян-Мара, Новой Земли, а то и с Северного или Южного полюса. Горжусь дружбой с этим чутким человеком, безусловным героем нашего времени.

“Берегите пар!”

Баня в советский период играла роль общественного клуба. Скажу о трёх из них. В 70-е годы два раза в месяц мы с Володей Токманём исчезали из “Молодой гвардии” с 2 до 3 часов на обед, а на самом деле – в легендарные “Сандуны” (Сандуновские бани в центре Москвы). Попасть туда, да ещё в первый номер было почти нереально, но один из наших знаменитых авторов был Николай Трофимович Сизов, генеральный директор “Мосфильма”, сценарист и писатель, а в прошлом зампред Моссовета и главный комиссар милиции города, то бишь её начальник. Так что сюжетов о московских приключениях или преступлениях у него было достаточно. У нас его книги выходили регулярно, и поэтому мы пользовались его приглашениями. Тот клуб был, я бы сказал, философско-литературным. Приходил нередко Леонид Леонов, Анатолий Иванов, Владимир Фирсов, завкафедрой русской литературы и языка из областного пединститута, а также ректор этого института, талантливый физик-акустик, лауреат Госпремии да ещё и великолепный поэт Василий Ноздрёв. Конечно, была баня, бассейн, веники, но потом “пивная” беседа. Заводилой тут был Леонид Леонов, который выражал недовольство многими вещами.

Интересовали нас и воспоминания Сизова (во время войны он был секретарём Московского обкома комсомола), как он ездил опознавать тело Зои Космодемьянской, бывшей в комсомольской диверсионной группе. Рассказывал он, как вызывал его Михайлов, первый секретарь ЦК комсомола, и передал слова Сталина: “Ищите и находите молодых героев-комсомольцев”. Их и находили. В общем, разговор был неторопливый, размеренный. На то они и “Сандуны”.

В 80-х годах я ходил в баню на 16-м этаже гостиницы “Орлёнок”. Меня, как бывшего комсомольца, туда пускали. А там, я сказал бы, был экономическо-академический клуб. Хозяин положения был Гавриил Попов, декан экономического факультета МГУ. Он задирался, но к наглости и хамству, как позднее, будучи мэром, он ещё не призывал. Приходил Марчук, который ещё не был президентом РАН. Он укорял Попова и его соратников в объявлении множества российских деревень “неперспективными”, то есть подлежащими угасанию и уничтожению, о чём объявила академик Заславская.

Ну, и третий, демократический клуб был у нас в Рочдельских банях. Рочдельская улица, почти закоулок, названная так в честь бастовавших в 20-е годы английских горняков, тогда ещё сохраняла своё название и находилась напротив гостиницы “Украина”. В баньку приходили заранее, ибо уже к 2-м часам она была забита. Появлялись соседи с Университетского проспекта Володя Токмань, Серёжа Высоцкий, Володя Червяков и Саша Калужный. Приходим, занимаем отсек, достаём капусточку, грибочки, бутерброды с “докторской”, разливаем, но только одну, из которой пятьдесят грамм, ну, может, сто, отливаем банщику. Тот собирает для страждущих поздно вече-

ром, когда всё закрыто. Банщик знакомый однажды увидел, что мы хохочем над плакатом: **“Граждане! Берегите пар!”**, и пообещал отдать его нам. Как это было бы забавно видеть на двери кабинета издательства! В это самое время Володя Червяков, поступающий на работу в журнал “За рубежом”, решил поупражняться в английском с Калюжным. Банщик был бдителен, с подозрением посмотрел на них и сказал: “Плакат не отдам!” Червяков пообещал денег. Старик ещё больше заупрямился: “Вы что, хотите его в американское посольство продать?” Хохочем. Будем беречь пар у себя дома.

Педагогика войны

Мой сосед, генерал Эдуард Болеславович Нордман, на пятый день после начала войны ушёл в Пинские леса в Белоруссии и партизанил до освобождения. Был назначен секретарём Пинского обкома комсомола и подрывником. Рассказывал о подрыве фашистского поезда, об атаке гарнизона под Гомелем, об умелом обмане полицаев, которых взял в плен. Да мало ли чего вспомнилось этому партизану, ставшему после войны генерал-майором! Но особенно меня поразило, как в сорок третьем году, после жестоких морозов и голода, жертв и некоторого затишья, в гуще лесов они создали школу.

– Почему и для чего? – спросил я.

– Ребятишек надо же было учить.

– Чему?

– Ну, во-первых, русскому языку, во-вторых, истории. Надо же им было знать об Александре Невском, о Дмитрии Донском, о Кутузове и Суворове, о Пушкине (заучивали стихи).

– Кто же преподавал?

– Да все мы, кто десять классов закончил или техникум. Был один учитель, конечно, арифметике учил, чтобы считать умели. Никто не отлынивал, наоборот, обижались, если из землянок не позвали.

Невероятно это. Кругом война. Жертвы. А ребят учат русскому языку и истории. Это была высшая забота наших людей и общества о будущем.

Да и у нас в сибирском тылу была военная педагогика. В 1-м классе в апреле 1942 года заходит в класс учительница и радостно говорит: “Ребята, мы сегодня победили!” – “Ура! Ура!” – “Да, нет, ребята, в этот день 700 лет назад Александр Невский разбил немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера”. Всеяло радость, что 700 лет назад мы немцев тоже били. А учительница во всю доску написала: “Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет. Александр Невский”.

Эту фразу с первого класса я запомнил на всю жизнь.

Гагаринская улыбка

Наверное, Господь послал нам совершенную человеческую натуру, когда Советский Союз запустил первого человека в космос, это был Юрий Алексеевич Гагарин. Скажу только, что он улыбчивый и весёлый человек, чего стоит известная на весь мир гагаринская улыбка! Не буду касаться многих его черт, расскажу только о нескольких весёлых и важных моментах, свидетелем которых я являлся.

Согласовал на самом верху

Конечно, это было необычайное и важное событие. В 1965 году комсомол развернул важное, скрепляющее поколения движение – Поход молодёжи по местам революционной, боевой и трудовой славы нашего народа. Касалось это, в основном, памятных событий Великой Отечественной войны. Но мы в журнале “Молодая гвардия”, обращая главное внимание на историческую составляющую, напечатали обращение к молодым патриархов отечественной культуры: великого скульптора Конёнкова, известного своим скульптурным изображением Александра Невского, замечательного народного художника Павла Корина и мудрейшего писателя Леонида Леонова – под названием “Берегите святыни наши”. О сбережении нашей отечественной истории в памяти и произведениях архитектуры и искусства. Что касается архитектуры, то это,

в первую очередь, были величественные храмы и церкви, памятники нашей истории.

Юрий Алексеевич Гагарин, с которым дружили я и главный редактор журнала, всем этим интересовался. И вот **25 декабря 1965 года** проходил пленум ЦК ВЛКСМ, посвящённый этой проблеме. Юрий ещё раз прочитал обращение в журнале, расспросил про начинающееся зарождавшееся Общество охраны памятников и выступил на пленуме. В выступлении он сказал о памяти бойцов Великой Отечественной войны, о памятниках им, которые необходимо построить или восстановить. И тут он, неожиданно для многих, но не для нас, высказал выдающееся предложение о необходимости **восстановить Храм Христа Спасителя**, разрушенный в 1933 году. “Этот храм, – обратился к истории Гагарин, – был построен в честь героев Первой Отечественной войны 1812 года. И это тоже наша память и забота”. Молодёжная аудитория восприняла его призыв с пониманием и энтузиазмом. Позднее на телевидении меня спросили: “Неужели он так и сказал?” Да, он так и сказал, и то был первый призыв с официальной, даже государственной трибуны восстановить величественный Храм в центре Москвы.

Нельзя сказать, что руководящий президиум сильно обеспокоился. Патриотическая оттепель начиналась. Правда, ко мне подошёл инструктор ЦК КПСС и с сомнением спросил: “А вы думаете, что Гагарин это согласовал?” Я не растерялся и с уверенностью показал вверх: **“На самом верху!” Благоразумно умолчал о том, что имею в виду космос, а не кабинеты ЦК.**

“Этот полетит на Луну”

В 1967 году мы, делегация молодых писателей, летели в станицу Вёшенская на Дон к самому Шолохову. Вместе с нами – Юрий Гагарин. Сразу стало ясно, что встреча удастся. Естественно, стюардессы суетились вокруг Гагарина, принесли рюмочку, закуску. А мы с Юрием Верченко, как ответственные за всю поездку, семинар, встречу, сидели через проход на том же первом ряду. И вдруг через пять минут напротив нас встал столик с коньяком и бутербродами с чёрной икрой. Ну, не отказываться же? Угощение повторилось. Я обратился к Гагарину: “Не ваши ли проделки?” Он замотал головой, но девушки-стюардессы проговорились. Гагарин сказал им: **“Я-то что, а вот тот высокий блондин первым полетит на Луну!”** Девушки поверили. Я подошёл с рюмкой и передал привет от лунатиков. Хохотали вместе...

“Гагарин – это тот, кто пьёт кефир”

Потом летом мы все вместе отдыхали в небольшом домике возле Аю-Дага. Юра опоздал немного. Он, как всегда, заходил пожать руку поварам, официантам, сторожам и сел рядом с моей женой Светланой. Она, конечно, засмушалась, а он стал говорить, что он в начале заграничных поездок тоже смущался. Английская королева, когда Юрий остолбенел у стола от огромного количества приборов, с доброй улыбкой сказала: “Я ведь тоже не знаю, что для чего предназначается. Главное, чтобы была вилка и ложка”. И он по-хозяйски распорядился, передав вилку и ложку Светлане и нашей шестилетней дочке Марине. Жена осмелела и рассказала, как Марина в три годика вопрошала: “Кто такой Гагарин?” В детском садике читала расхожий тогда стишок:

*Летит-летит ракета
Вокруг земного света,
А в ней сидит Гагарин —
Простой советский парень.*

Её тогда племянник спросил: “А ты хоть знаешь, кто такой Гагарин?” Она сказала: “Да, нам няня сказала, **что он всегда пил кефир**”. Гагарин хохотал: “Меня всяко называли, а то, что я **кефироед**, слышу впервые!”

Главное – встать!

Замечательную поэтессу Ларису Васильеву я знаю немало лет. Я был издателем первой её блистательной книги стихов “Льняная луна”. Много она

сделала для увековечивания памяти своего отца Н. А. Кучеренко, одного из создателей танка Т-34, написав об этом книги, и, что не менее важно, создав музей танка Т-34 в Подмосковье. Её энергия и страсть неисчерпаемы, ни с чем несравнимы и потому вырастают с её участием нужные людям проекты и книги, которые удивляют и восхищают. Она всегда молода, но вот и юбилей подоспел. Когда я пришёл на этот её юбилей, Лариса была ещё в гримёрной и вскоре вышла во всей своей красоте. Я с букетом белых роз встал перед ней на колени. Лариса всплеснула руками и воскликнула: **“Валера, ты ещё так можешь?”** Я с сомнением сказал: “Тут главное – встать!” Да, действительно, в жизни **самое главное – встать!**

Русская книга в центре

В ту первую поездку в США я побывал в 1969 году в магазине “русской книги”, созданной эмигрантом Камкиным. Глаза разбегались от таких книг, которых у нас, конечно, в то время нельзя было увидеть: И. Ильин, Солоневич, митрополит Антоний (Храповицкий), В. Родзянко и др. Оголтелого антисоветизма вроде бы не было, даже наших книг было немало. Ко мне обратился хозяин: “Вы из России?” – “Да, я из Советского Союза. Издатель”. – “Какое издательство?” – “Молодая гвардия”. – “О, это известное издательство. Ваша серия “ЖЗЛ” отменная. Но почему у вас нет биографий Суворова, Пушкина, Аксакова, Александра Невского, Дмитрия Донского, Ушакова, Достоевского и других русских гениев и подвижников?”

Да, это было нашим слабым местом в то время. Я задумался и пригласил из Ленинграда кандидата наук Сергея Семанова, с которым мы сменили вектор серии. Фактически серия “Пламенные революционеры” стала выходить в “Политиздате”, в том числе её авторами стали и не замеченные в революционных симпатиях В. Аксёнов, Б. Окуджава. А. Гладилин. Но вот сигнал, хотя он и не был единственным, я тогда воспринял.

Хозяин пригласил меня выпить чашечку кофе. Потом стал рассказывать, что русские у него последнее время часто бывают. “Вот недавно у меня был один ваш престарелый генерал. Он тоже посмотрел книги, покритиковал нас за отсутствие военных мемуаров. Я сказал: “Пишите и издавайте. Купим”. – “А вы где воевали в революцию?” – “Я на востоке сражался, под Волочаевкой. Знаете такую нашу песню “Штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни?” А я ему говорю: “Вы помните, как по вам слева стреляли?” Он спрашивает: “А вы откуда знаете?” – “Да я вот слева и был, только по ту сторону, где белые”. Мы с тем генералом долго говорили и настоящей русской водки выпили много, поскорбели, что по разные стороны были”.

Да, у В. П. Камкина в книжном магазине “Русской книги” я бывал ещё несколько раз. Спасибо ему за пропаганду нашей культуры.

Урок империализма

Будучи директором “Молодой гвардии”, в первый раз я попал в США в 1969 году – на международный семинар молодёжи “Будущее атлантизма”. Сделал доклад о неизбежной катастрофе последнего. Меня, кстати, поддержали левые французы, радикалы из Испании, не согласились, конечно, американцы из Джорджтаунского университета, где проходил семинар. История, правда, распорядилась по-своему. На семинаре, кстати, было немало видных лиц: Эдвард Кеннеди, Уильям Аверелл Гарриман, посол в СССР в годы войны, Джеймс Фулбрайт, сенатор, председатель комиссии по иностранным делам Конгресса США, то ли примчавшийся, то ли удравший из Европы вождь левых радикалов и р-р-революционеров Руди Дучке. Запомнился и один из сенаторов США У. Проксмайер, который в ответ на восклицания чешки-эмигрантки о том, что США не помогли Чехословакии, когда туда вошли советские танки в 1968 году, спокойно объяснил, что есть “зоны влияния”, которые или за СССР, или за США, и которые не пересекают их границы. Он подошёл демонстративно ко мне, взял под руку и дружелюбно сказал: “Как нам надоела эта мелюзга – бельгийцы, голландцы, датчане, как и вам эти румыны, чехи, болгары”. Я, конечно, руку выдернул, пытался возразить: “Нет, нам не надоели”. Он захохотал: “Да ладно, мы вас тоже втравим в какой-нибудь Вьетнам (там шла война)”. Этот разговор я вспомнил, когда началась война в Афгани-

стане, да и многие изменившие тогда “союзнички” (как и мы им) действительно оказались мелюзгой. **В общем, урок дружелюбного империализма я в США получил.**

Коммерческая тайна

Тогда же я появился в посольстве СССР в Вашингтоне. Послом был видный, уважаемый в Америке, да и во всём мире советский дипломат Дубинин. Оказалось, что он ещё и видный книголюб, расспрашивал про все литературные события, о споре “Нового мира” и “Октября”, интересовался “Молодой гвардией”. С удовольствием принял книги нашего издательства и предложил встретиться с моими коллегами – издателями США. Я, конечно, с радостью согласился, хотя и побаивался их ехидных вопросов.

На встрече в каком-то ресторане сидела не очень большая группа джентльменов, удобно развалившихся в креслах, внимательно разглядывавших меня, медленно попыхивая сигарами. В общем, “акулы капитализма”. После паузы – первый вопрос.

– Мистер Ганичев, какое количество наименований изданий вы издаёте?

– 500–600 изданий в год.

– О!

– А какой общий тираж книг вашего издательства?

– 50–60 миллионов в год.

– О-о!

И тут последовал тот ехидный вопрос, которого я боялся:

– А какая у вас зарплата?

Понял, что горю, теряю только что завоёванный авторитет, но вспомнил их формулу и скромно сказал:

– **Это коммерческая тайна...**

– О-о-о!

Контакт установился: “Свой парень, крупнейший издатель, умеет хранить тайну”. Дальше пошли разговоры под “виски”.

Чёрный расизм

В Высшей комсомольской школе на разных факультетах учились тысячи студентов из более чем 50 стран мира. Светлана, моя жена, преподавала там педагогику для тех, кто хотел быть воспитателем, учителем, детским работником. Часто она приводила к нам домой своих студентов из Африки, Азии, Латинской Америки.

Мама моя, Анфиса Сергеевна, побаивалась их, руки ходила мыть после рукопожатий. Светлана смеялась, говорила: “Они же добрые, сердечные и милые”, – даже пригласила маму на вечер дружбы. Зал был переполнен. Вначале пели и танцевали студенты из ГДР, Венгрии, Польши, Италии, Франции, потом другие. Рядом с мамой посадили двух прелестных маленьких девочек. На факультете было много смешанных браков студентов из Африки и Советского Союза. Так вот, эти чёрненькие, весёлые дети были результатом эдакого брака. Обе чёрненькие девочки были в центре внимания зала. К ним подходили, вручали конфетки, обращались по-русски: “Машенька! Настенька!” Те хлопали в ладошки. Но вот, когда на сцену вышел оркестр из Гвинеи, Машенька на весь зал вскричала: “**Цольненькие. Не люблю цольненьких!**” Анфиса Сергеевна испугалась и обратилась к ней: “Что ты, Машенька, они же хорошие!” Маша с сомнением покачала головкой – себя-то она считала русской красавицей! И собственный цвет кожи её не смущал.

“Жиганём!”

Великий скульптор Сергей Конёнков, за чьи руки Рокфеллер давал золото, после войны возвратился в Советский Союз и неустанно работал, вытёсывая свои скульптуры из дерева. В 70-х годах, когда ему было 94 года, он решил сделать царский подарок комсомолу и подарить бюст Николая Островского, а также мраморную скульптуру Ленина, которую изваял.

На церемонию в его дом на углу тогдашней улице Горького, нынешней Тверской, он пригласил первого секретаря ЦК Комсомола Сергея Павлова

и других комсомольцев. Я тоже там был, тем более что скульптуру решили передать издательству “Молодая гвардия”. Конёнков встретил нас с радостью, да и мы уже начинали готовить книгу о нём. Он сказал: “Потрогай мускулы, каждый день работаю”, – и закатал рукав. Мускулы у девяносточетырёхлетнего ваятеля были железные. Поговорили. Мы знали, что скульптор не прочь выпить хорошего вина, а Толя Светликов, управляющий делами ЦК, приобрёл бочонок прекрасного кахетинского вина. Не теряя времени, разлили вино. Конёнков провозгласил: “Ну, жиганём!” Жиганули ещё раз. Жена забеспокоилась: “Сергей, может быть, хватит?” Он махнул рукой: “Я ещё хочу спросить их: зачем Гагарину разрешили летать? Он же национальное достояние! Он же наш, Смоленский!” И, подумав, добавил: “Да разве его удержишь? – Затем он обернулся ко мне: – Гагарин же **небожитель, не-бо-житель!** Он, конечно, туда же, на небеса должен был уйти. **Давайте помянем, жиганём!**” И жена не возражала.

Триумфальное возвращение

В 1968 году произошло великое событие: вытащили из хлама и отреставрировали знаменитую Триумфальную арку в Москве.

Она была воздвигнута в 1814 году как деревянные триумфальные ворота в честь победы над Наполеоном и возвращения победителей. Потом по проекту знаменитого Бове в 1834 году уже как каменное сооружение встала в районе нынешнего Белорусского вокзала, украшая Москву и напоминая о великой победе. То и другое мешало шустрым градостроителям, и её убрали: “Мешает проезду, перенесём”. Это был отработанный приём: всё, что напоминает о победе России, русского духа, или взрывалось, или сносилось, или, в лучшем случае, складировалось. Триумфальные ворота, арку убрали на время, а получилось – насовсем. Приём этот не нов, он отработан у такого рода “зодчих”.

К счастью, её основные части сохранились в музее Щусева. И вот после замораживающей антицерковной, антирусской “оттепели” Хрущёва где-то шевельнулась память и совесть, обозначился патриотизм и пошёл слух: Триумфальную арку восстанавливают! Это же победа русского духа.

В выступлении Гагарина на съезде комсомола в 1965 году, о котором мы уже упоминали, он сказал: “В Москве была снята и не восстановлена Триумфальная арка 1812 года, был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Неужели название этого памятника затмило его патриотическую сущность? Я бы мог продолжить перечень жертв варварского отношения к памятникам прошлого. Примеров таких, к сожалению, много”.

Говорят, Н. С. Хрущев на это отреагировал так: “Гагарин есть Гагарин. Поэтому первое, что мы сделаем, – это обязательно восстановим Триумфальную арку”.

Но где? Сказали, что в конце Кутузовского проспекта. И вот в 1968 году она встала там посреди проспекта. Встала в день Октябрьской революции. Чудно! Здорово! Но подойти к ней нельзя – с двух сторон мчатся автомобили. Мы решили запутать бдительных милиционеров и подъехали к ней на машинах, которые отпустили. Подошли к Триумфальным воротам, в нашем просторечии – к арке. Впереди – Владимир Солоухин. Он перекрестился. С ним все остальные. Владимира Алексеевич торжественно сказал: “Вот и начинается восстанавливаться слава России, – помолчал и продолжил: – Володя, доставай!” Поэт Владимир Фирсов, как всегда, был наготове, достал поллитру, солёные огурчики. “Боже, царя храни!” Но слова знал лишь Солоухин. Предложили и спели “Солдатушки, браво ребятушки”. Когда приготовились выпить по второй, подъехала милицмейская патрульная машина. Вышел немало роста строгий капитан, отдал честь и сказал: “Граждане, вы, конечно, знаете, что ни заходить сюда, ни выпивать в общественном месте нельзя”. “Мил человек, – протянул известный всем писатель Михаил Алексеев, прошедший с боями от границы до Сталинграда, а потом до центра Европы, – ты знаешь, что вчера случилось великое событие: восстановили Триумфальные ворота в честь победы над французами в 1812 году. А мы, русские писатели, – Владимир Солоухин, Михаил Алексеев, Гарольд Регистан, Анатолий Никонов, Валерий Ганичев, Владимир Фирсов – это событие торжественно отмечаем.

Или нельзя?” Капитан снова отдал честь: “Поздравляю. И ведь хорошо поставили, рядом с Поклонной горой, где Наполеон так и не дождался ключей от Москвы. И вот дождался победной арки”. “Да, да, — ответил Алексеев, — вот Бранденбургские ворота в Берлине до сих пор стоят!” Капитан ещё раз отдал честь и закончил: “А бутылочку и стаканчики, товарищи писатели, вы с собой унесите — тут должно быть чисто. Жаль, что не могу с вами отметить — на работе”. И, садясь в патрульную машину, добавил: “Переходите осторожно, ведь движение сильное”. Все отметили: “Образованный милиционер”. Володя Фирсов, знакомый со всеми милицеейскими службами, серьёзно добавил: “А как же, тут каждый день Брежнев ездит”. Почему-то все согласились, что на пути генсека должны быть образованные милиционеры.

Расул: “Дагестан силой присоединили к России, а теперь только силой могут его отделить от России”

С кучей шуток, комком веселья, сопровождаемый улыбками буквально врывался в издательство Расул Гамзатов. Шутки, наигранное удивление от выпущенной книги (а таких у нас выходило немало) исходили от него. У него были неплохие переводчики: Яша Козловский, Наум Гребнёв. Но когда он решил создать и создал книгу “Мой Дагестан” — своеобразную эпопею народной жизни, быта, обычаев, — Юра Мелентьев посоветовал Расулу, чтобы его “Дагестан” перевёл лучший знаток народного русского языка, известный всей стране Владимир Солоухин. Владимир взялся за это дело со всей тщательностью, был в аулах, беседовал со стариками, слушал дагестанские предания. Честно говоря, я несколько раз бывал в Дагестане, но заметить те особенности, понять сказания, о которых рассказал Расул и истолковал Солоухин, удалось лишь после прочтения “Моего Дагестана”, который мы издали.

Расул усиленно приглашал на своё шестидесятилетие. Я согласился, но самолёт запоздал, и я прибыл к середине торжественного вечера. А на сцене была целая пирамида на фоне вершины Казбека, у подножия которой танцевал ансамбль “Лезгинка”. Выше, под нарисованными облаками сидели аксакалы литературы Мустай Карим из Башкирии, Кайсын Кулиев из Кабардино-Балкарии, а на самой вершине импровизированного Казбека сидел Расул. Там ему было удобно. В перерыве он сокрушался, что я опоздал: “Тебе первому в застолье дадим слово”. Застолье началось, ведущий заявил: “А сейчас мы дадим слово большому другу Дагестана, замечательному человеку, любимому всеми нами”. Он нагнулся к Расулу и довольно громко спросил: “Кто он? Имя-то какое?” С фамилией справилась, я сказал о радости от книг, песен, стихов Расула (всё больше становились известными его “Журавли”, в которых Юра Мелентьев попросил заменить слово “джигиты” на слово “солдаты”). Ну, ещё много хороших всяких слов, но Расул встал и сказал: “Если такой самый большой друг, на, выпей рог коньяка”. Я был ещё молод, трезв и храбр и опрокинул этот почти бездонный рог. Через полчаса я ушёл спать в гостиницу, через два часа вышел купаться в Каспийское море, возвратился в зал, а там вечер был в разгаре. Выступали председатели всех 33-х (!) национальностей, живущих в Дагестане. Крепка была дружба народов. Наутро Расул отправил меня в Гуниб, где был такой чистый воздух, что секретарь обкома партии сказал: “Тут мы сделаем республиканский вытрезвитель”. Посмеялся он потом, когда в горном ауле показали двери уборной, то бишь, туалета. Когда распахнул двери, то чуть не упал в пропасть. “А мы выгребных ям не строим — всё идёт в природу”, — хохотал он.

На прощанье Расул сказал одно из самых его памятных изречений и для сегодняшнего дня: **“Знаешь, Дагестан силой присоединили к России, а теперь его только силой можно отделить от России”**. Пытаются, но у Дагестана в сердце Расул Гамзатов.

Юрий Никулин лечил смехом

На одной из встреч известный клоун и артист Юрий Никулин, узнав, что я еду в Америку, попросил привезти оттуда два анекдота. Я засмеялся, зная, что он коллекционирует их, но поставил условие: “Приступай к написанию книги. Не жизнь, а история страны. Село. Фронт. Артист цирка. Встречи. Анекдоты, в конце концов”. Юрий Владимирович покачал головой: “Да я толь-

ко анекдоты и знаю”. – “Прекрасно. Разделим книгу на две части. 2/3 листа – жизнь, а 1/3 – под голубой полоской, анекдоты. Идёт?” Он неуверенно согласился – идёт. Через три месяца я звоню: “Как дела с книгой?” – “Да ты знаешь, сверху на 2/3 ничего не написано, а снизу почти заполнилось”. Через полгода звоню. “Да, вот снизу всё заполнилось, а сверху ещё нет”. Знаю, что шутит, но, в конце концов, закончил. Я горжусь этой книгой, написанной одним из талантливых, радостных людей страны, замечательным артистом и человеком. Он был неистощимо добрым и весёлым, пригласил после этого в цирк всю мою семью, там показывал знаменитый номер с бревном, который они таскали с клоуном М. Шуйдиным. Зал корчился от смеха, а Юрий Владимирович подбавлял жару: “Ну, что ты так слаб, к нам сам Валерий Николаевич приехал”. Зал, конечно, не знал, кто такой Валерий Николаевич, а моя дорогая мама Анфиса Сергеевна, приняв всерьёз, обращалась ко мне: “Попроси их не мучиться, если они тебя боятся”. А они не мучились – **они лечили смехом.**

Англичане дают свою хронологию. А Россия – за подлинную свободу

1988 год. Заканчиваю вторую часть исторического повествования “Росс непобедимый” и “Ушакова” для “ЖЗЛ”. Путеводителем по концу XVIII века были книги академика Е. Тарле и доктора исторических наук А. Станиславской. Но нужные источники и документы о взятии эскадрой Ф. Ушакова Ионических островов, о дарованной этим островам первой Конституции находятся в Греции. Андрей Вознесенский говорит, что у Союза писателей есть деньги на заграничные “творческие” командировки: ему, например, давали для написания поэмы о Ленине “Лонжюмо” съездить в Париж. Да, заграничная командировка стоила недёшево, но в Союзе писателей раскошелились и командировочные выписали. Ура!

На острове Корфу (Керкира) предьявляю отношение от МГУ с просьбой помочь найти архивные документы о десанте и экспедиции адмирала Ушакова в 1798–1801 годах. Главный архивист пожимает плечами: таких нету. Я прошу поискать папки за эти годы. Он уходит и приносит папки **“Русско-турецкая оккупация 1798–1801 годов”**. Я искренне возмущён: “Как же так? Он освободил вас, дал вам Конституцию, восстановил в правах греческий язык (до этого был итальянский), православную епархию, а вы – оккупация!” Грек смутился и сказал: “Да, остров **50 лет, с 1820 года был английским протекторатом, так они и оставили нам эту хронологию**”. **Молодцы англичане! Они – это свобода и демократия, а Россия и другие – это оккупация.** “Англичанка” так всегда и во всём (кстати, греки после сменили названия папок и дали им названия, связанные с республикой Ионических островов и адмиралом Ушаковым). Листаю те папки, ничего нет, и вдруг – приказ Ушакова, его подпись, русский текст. Испускаю победный клич, не принятый, конечно, в архивах: “Ура! Ура! Ура!” Подбегает грек и участливо спрашивает: “Нашли?” Да, нашёл и второй, и пятый, и пятнадцатый документ. Это замечательно! Это укрепляет книгу ссылками на указы, рескрипты великого адмирала. Да, Корфу, Греция оправдала надежды. А когда приехали в Союз, то бухгалтер ухмыльнулась: “Вы первая делегация, которая сдаёт часть денег”. Да Бог с ними, **мы привезли другое богатство.**

Великий ас Кожедуб: “Я угадывал тенденцию к повороту”

Мы выпускали подростковую “Книгу будущих командиров” Митяева. Тираж – один миллион (!) экземпляров. Разместили весь тираж. Ещё миллион. Постоянно приходил и консультировал нас трижды Герой Советского Союза, легендарный лётчик Иван Кожедуб.

Как-то я спросил Ивана Никитича: “Почему изо всех авторов в издательстве у нас больше всего авиаторов и космонавтов?” Он подумал и сказал: **“Лётчик за минуту больше других осваивает и изучает информации”**. И тут стал ясен ответ на мой второй вопрос: “Иван Никитич, почему вы сбивали вражеские самолёты, а вас нет?” Он с убеждённостью сказал: **“Я угадывал у врага тенденцию к повороту”**. Вот так, не движение, не движение, а его замысел. Наверное, это была интуиция профессионала – **тенденция к повороту!** Великое чувство!

“Это было так мило...”

Жена известного французского писателя Ромэна Роллана, широко издававшегося в Советском Союзе в 30-е и послевоенные годы, русская дама, приехавшая к нему из Союза как переписчица и машинистка его писем и трудов, так и осталась с ним до конца. Она подготовила к изданию у нас книгу его трудов в 70-е годы. Мы проверили вместе с ней вёрстку, подписали в печать, и я пошёл проводить мадам до лифта и первого этажа. Лифт застрял на 3-м этаже. Я кричал, чтобы нас вызволили, но механики возились почти час. Как я изощрялся! Вспоминал различные анекдоты, забавные истории, шутки. Наконец, нас освободили. Я долго извинялся. Она милостиво простила и через месяц прислала письмо из Франции о том, как ей понравилось в издательстве, особенно в лифте: **“Это было так мило: Вы мне рассказали так много интересного”**.

Что главное в газете?

Когда меня утверждали главным редактором “Комсомолки”, то собеседование со мной проводил секретарь ЦК партии Зимянин М. В., человек в стране известный и бывалый, да к тому же много видевший и мудрый. Ведь он был из той преданной и честной группы белорусских партизан, которые в боях, болотах и лесах это подтвердили, а потом были на разных ответственных участках работы в стране. Михаил Васильевич побывал везде: поработал в областях, послом во Вьетнаме и Чехословакии, даже главным редактором в самой “Правде”, что для нас, работающих в комсомольских изданиях, было недостижимой вершиной, почти Эверестом. Он поспрашивал меня о работе в издательстве, где я уже был десять лет, почувствовал, что издательское дело я знаю, выслушав мои энтузиастические ответы. И потом, посмотрев на меня умудрёнными и немного печальными глазами, спросил, не требуя ответа: “А что самое главное в газете?” Я подумал: “Ну, художественный уровень, ну, идейность, ну, чёткость, соответствие задачам общества, эрудированность журналистов, в общем, подбор кадров, да и...”

Михаил Васильевич, по-видимому, вспоминая что-то своё, а может, и прозревая моё будущее, ответил сам себе: **“В газете главное – знать, кто за кем стоит”**.

Нельзя сказать, что я это понял тогда, но позднее уяснил. Хотя в той же “Молодой гвардии” немного бесшабашно, наступательно вели русскую тему, печатали книги о ещё не известных широкому читателю фактах истории, раскрыли на том уровне вопрос о масонстве, критиковали ревизионизм, сионизм, католицизм. Не скажу, что в этих публикациях было всё верно, блистало эрудицией, но заместитель заведующего отделом пропаганды Владимир Севрук, тихо прокладывающий путь перестройке, крушению Советского Союза, внимательно вглядываясь в нас, вслух размышлял: **“Знать бы, кто за вами стоит?”** Но за нами никого, кроме России, не стояло. А “русской партии”, которой пугают современные либералы, не было, да, пожалуй, и сейчас нет.

Недифференцированное и дифференцированное сознание

Николай Куцев, строптивый, упрямый и умный секретарь Иркутского обкома комсомола, предложил мне со Светланой после встречи молодых писателей в Сибири поехать на север от Иркутска, к острову Ольхон. Мы с энтузиазмом молодости согласились. Ехали по дороге вдоль Байкала на истрёпанном “Москвиче”. Потом эта дорога вспоминалась и как дорога в ад, и как путь в рай. Ад – это, конечно, те рытвины и ухабы на дороге, это поломки и починки истрёпанного “Москвича”. А рай начинался тогда, когда мы въезжали в неопишуемой фиолетовой красоте распадки меж предгорий и поднимались к вершинам сопок с лёгким розовым облачком на вершине. “Да ведь это Рерих!” – восклицали мы, не раз посещавшие его квартиру-музей на Ленинском проспекте. Куцев нас просвещал: “Да, фиолетовый и розовый цвет у Рериха – это цвет гор, который он принёс в свои картины с далёких Гималаев”.

Но дальше было ещё более невообразимое. Подъехали к стоянке то ли колхозной, то ли фермерской, хотя тогда этого понятия в нашем хозяйстве не существовало, хозяйка сдержанной и величественной восточной красоты Ма-

рия Таганоевна показала нам уютный и красивый дом, сарай, баню. Она оказалась не только рачительной хозяйкой, но и замечательной собеседницей.

Во-первых, она показала 15 газет и журналов, которые выписывала: “Новый мир”, “Знамя”, “Наш современник”, “Молодая гвардия” – все литературные, и рядом – “Техника – молодёжи”, “Юный техник”, “Знание – сила” – это для знаний, ну, и для общественной жизни и политики – “Правда”, “Огонёк”, “Известия”, “Комсомольская правда” и “Красная звезда”. “А она-то вам зачем?” – спрашиваю я. “Надо знать, как там армия себя чувствует”. Выписывала ряд сельскохозяйственных журналов, в том числе и нашу молодогвардейскую “Сельскую молодёжь”. “Неплохой журнал, читаю, но часто пишу городские, поэтому врут, не знают село”. В доме стоял не так часто встречающийся в то время в сельской хате приёмник. Она слушала Москву, Ленинград, Иркутск, Улан-Удэ. Спрашиваю Марию Таганоевну, как она тут живёт вдаль от людей. “Да я же не одна живу, а со всем миром. Во-первых, со мной дети живут и жить будут. Муж-то умер. Двое в вузе. Один ветеринарный заканчивает. Летом со мной. Дочка английский язык в инязе изучает”. Так и хотелось спросить: зачем? Почувствовав вопрос, отвечает: “Она собирается сюда приехать. Трое школьники. В соседнее село ездят в школу. Все со мной, матери помогают, читаем вместе, приёмник слушаем, о жизни говорим, ну, а главное, работаем”. Мы с недоверием слушаем, а она с интересом расспрашивает о Москве, об издательстве “Молодая гвардия”, о писателях. “А что пишет Шолохов? А что Симонов? Люблю Михаила Алексея, он и солдат, и земледелец, пишет просто и понятно о нас, селянах. А его “Карюха” – это памятник корове”. Говорит о политике, предсказывает трудности, “зазнаваться стали – скоро в войну втянутся”.

Мы с подозрением смотрим на Куцева: что за театр он нам устроил? А Мария Таганоевна пригласила нас на дойку, где она и три её дочери за полчаса подоили всех своих пятнадцать породистых и упитанных коров. “Они ведь рядом на альпийских лугах пасутся. Тут и эдельвейсы”, – сказала она не для красного словца, угостила нас свежайшим творогом и сметаной. Сметану привезли в баночке в Москву. Она было нежного кремового цвета. Честно говоря, я никогда больше в жизни не ел сметану из эдельвейсов. Об этих цветах я только в сказках слышал и видел в Швейцарии. Потом с её сыном за час наловили два ведра рыбы в Байкале. Не браконьерство? “Да нет, у нас небольшая лицензия есть”. Уха была первостатейная. Ну, а затем Мария Таганоевна устроила нам настоящий экзамен. “Что в театрах? Что в Большом?” Знала многих певцов, любила и имела пластинки Барсовой. Любила слушать, как читают Ильинский и Царёв. Уф! “Да кто это был с нами на северном берегу Байкала?”

Бурятская женщина, скотовод, мать или вдумчивый учёный-интеллигент, засланный в этот мир, чтобы показать неистощимость человеческой природы, нам всем на урок... Природы ведь разные бывают.

Вот, например, склеивший мои одиннадцать осколков после автомобильного наезда кудесник-травматолог Виктор Калнберз из Риги рассказывал. Когда он был в качестве военного хирурга в Афганистане, то оперировал всех – и наших бойцов, и моджахедов. У последних после ранений раны заживали быстрее, чем у наших, на две-три недели. Почему? Он дал интересный психологический ответ: **“Недифференцированное сознание”**. Этим понятием мы часто награждали грубых, не очень развитых во всех смыслах людей.

Тут же, на Байкале **мы ощутили сверхдифференцированное и верно направленное на человеческую суть сознание**. Уезжали в возвышенном состоянии и вопросами к себе и к обществу.

“По самой сути, жизнь проста: его уста – её уста”

Наша либеральная, только себя и своих собратьев любящая критика пытается вытаскивать из русской литературы и её истории и не замечать корневых народных писателей и поэтов. “Знаете, это чересчур просто или даже простовато”. А народное сознание помнит их, держит в себе, сохраняет. Вот несколько лет назад самое большое количество встреч, вечеров, конференций, выставок, я уже не говорю о многочисленных посиделках, песенном сумерничанье у костра, было связано с Николаем Рубцовым. Да, этот год был юбилейным для Николая, который уже давно ушёл из жизни, но было и все-

народное почитание, несмотря на то, что телевизор светил другими именами.

Помню, когда писал диссертацию о прессе 30-х годов, то обнаружил цифру изданных в тот год книг. Кто, вы думаете, был на первом месте по изданным книгам? Александр Безыменский! На втором – Иосиф Уткин, на третьем – Николай Асеев. Где они нынче? Ну, да Бог с ними, каждый имеет право на строчку в литературоведении. Вот в 60–70-х годах мы были в восторге от стихов поэта Василия Фёдорова, размашистого, талантливоего. Его вечера собирали массовые аудитории. Но кто его мог пустить на телевидение или в Политехнический? Тут места сберегались обычно для тех, кто позднее уезжал за границу или называл Россию “эта страна”. Для Василия Фёдорова Россия была не “эта” и не “та” – это была его Родина, его страна, о которой он писал, его люди, которых он любил. Да, он был полемист, борец за Россию. Он призывал вялых агитпроповцев и культурначальников к бою с оппонентом:

*Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займёт их враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.*

Или, вступая в дискуссию с безапелляционными ниспровергателями реалистического искусства, объявляющими себя передовым “левым”, модернистским направлением, он почти выбил чеканные строчки:

*Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
– Я за искусство левое. А ты?
– За левое...
Но не левее сердца.*

Вся страна, соединяя боевые и трудовые дела, знала его, по сути, священные слова:

*Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд.*

И слегка усмехаясь, по-житейски мудро он философствовал:

*По самой сути жизнь проста:
Его уста – её уста...*

Большой, душевный, улыбчивый был наш друг поэт Василий Фёдоров. Мы успели в “Молодой гвардии” выпустить его поэтическое собрание сочинений, которое имеет своего читателя.

“Хорошо бы сегодня кто-нибудь у кого-нибудь украл “Тихий Дон””

В 1988 году в Бостоне мы побывали в именин Кеннеди. Нам там помахала с балкона ручкой мать Джона Кеннеди. Хотя ей уже было сто лет, она захотела поприветствовать “советских парней”. С нами был Фицджеральд Кеннеди, который представлял второй фланг клана Кеннеди (Фицджеральдов). Он гостеприимно показал нам усадьбу, а потом организовал встречу в знаменитом Бостонском университете. Народу было много, вопросов было много, но вспоминаю один. Дама, из эмигрантов, задала, возможно, провокационный вопрос, а может, и из любопытства или односторонней информации: “Господа! А правда ли, что Михаил Шолохов украл “Тихий Дон”?” Ну, что тут было отвечать: начинать рассказывать историю создания романа? Обидеться

на глупость? Я ухмыльнулся и сказал: **“Знаете, мы давно ждём, чтобы кто-нибудь у кого-нибудь из писателей что-нибудь украл, и тогда бы появился гениальный “Тихий Дон”. Что-то никто не ворует. А у вас? Тогда и издадим”**. Аудитория рассмеялась, даже поаплодировали. Американцы тоже любят прямолинейный юмор.

Тут был один дурак...

На Дальний Восток, в Хабаровск и Благовещенск, я попал 20 сентября 1969 года в благодатную погоду. Было сухо, тепло, солнечно. Я попросился, как всегда, на пограничную заставу. Привёз библиотечку, выступил перед пограничниками. По дороге машина поломалась. Остановились в одной избушке в Амурской области. Хозяин обрадовался гостям, накрыл стол. А на столе-то помидорчики и огурчики. Хвастался: “Тут всё растёт!” Мы слегка посомневались, а он тащит небольшие арбузы, а затем, чтобы развеять наш скепсис, кладёт в вазу гроздь винограда, не “изабеллу”, конечно, но вполне приличного. И чтобы “пришибить” гостей, несёт со своего огорода дыньку. Восхищаемся и уезжаем с ящиком яблок, винограда и дынькой. На другой день пришли к первому секретарю крайкома партии Алексею Павловичу Шитикову. Ну, он известный правитель на Дальнем Востоке, влиятельное лицо в государстве, вскоре его забрали в Москву, избрали председателем Совета Союза Верховного Совета СССР.

Наших восторгов по поводу погоды и солнца не разделил: “Вот был в 1963 году один дурак (он сказал покрепче) в такой же день и повелительно сказал: **“Тут у Вас Сочи, и никакой больше северной и восточной надбавки область не получит. Срезаем!”** Улетел и оставил нас в расстроенных чувствах, да почти что в горести... На другой день у нас снег повалил, а надбавки северные сняли. Знать страну-то надо не по редким заездам. **Знать надо страну”**.”

Машеров: “Ссылайтесь на меня, когда надо отстаивать интересы Советского Союза”

В 70-е годы мировое зло хотело под разными видами и предложениями втиснуться в Советский Союз. Там и своих бед хватало: догматизм, чиновничье неумение, оголтелый атеизм, неумная эксплуатация молодёжного энтузиазма, равнодушие к человеческим судьбам. Да мало ли чего ещё надо было сделать на государственной и общественной ниве! Один из тех державников-патриотов, с кем мне пришлось встречаться, был молодой, умный, энергичный, сердечный руководитель Пётр Машеров, первый секретарь ЦК партии Белоруссии.

В Белоруссии я бывал не раз и не раз восхищался той беспримерной гордостью, которая была у каждого белоруса от той нашей общей победы и места Белоруссии в ней. Там умели ценить своих героев, но и склоняли головы перед жертвами: в Белоруссии был единственный памятник сожжённой и уничтоженной деревне. В России и на Украине таких деревень тысячи, но чванливое пренебрежение к 19 миллионным жертвам среди мирного населения не даёт до сих пор воздвигнуть там достойные памятники жертвам.

А тогда, в конце 70-х годов, мы были на Всесоюзном собрании по вопросам идеологии. Многие не восприняли доклад Петра Машерова, где он предостерегал от проблем алчности, потребительских настроений, поклонения лживым нравственным ценностям, от неумения разглядеть простых людей, тружеников, подлинных героев. Многим это показалось отвлечёнными рассуждениями. А Машеров видел опасность и предупреждал. К сожалению, его таинственный уход из жизни (автомобильная катастрофа) не позволил здоровым силам в обществе обратить на всё это внимание.

Один случай. У нас выходил целый ряд книжек о борьбе с буржуазной идеологией. Одна из этих книг В. Бегуна “Вторжение без оружия”, вышедшая в издательстве “Молодая гвардия”, встревожила будущих активных перестройщиков, могильщиков Советского Союза, и они никак не хотели выхода второго издания, ибо первое “размели” за несколько суток. Меня вызвали в ЦК, предупредили: не выпускать. Но тут раздался звонок: “Машеров говорит. Что там с книгой Бегуна?” – “Да, вот, задерживают в ЦК”. – **“Почему?”**

Как нам такие книги нужны. Ускорьте". — "Я могу сослаться на разговор с вами?" (Машеров уже входил в Политбюро.) **"Конечно, можете, и всегда ссылайтесь, когда надо отстаивать интересы Советского Союза"**. На следующий день я был в ЦК у завотделом Севрука. "Я о Бегуне". — "Я же сказал Вам, что выпускать не будем". Я пригасил улыбку и вроде бы проинформировал: "А вот вчера Машеров сказал: "Ускорьте!" — "Машеров звонил?" Севрук побелел — фигура звонившего была авторитетна — и выдал из себя: "Нет, я говорю — поработаем, улучшим, издадим". Через десять дней после "улучшения" почти не исправленный текст книги "Вторжение без оружия" был второй раз издан.

Если бы Машеров оставался в Белоруссии до 1991 года, Беловежского сговора не произошло бы.

Наши опять победили

В Севастополе ежегодно 9 мая проходит реконструкция штурма Сапун-горы: советские бойцы, моряки наступают на немцев, гремит бой, выстрелы, взрывы и в конце — красный флаг на вершине горы. Мы с профессором Казариным в числе зрителей наблюдали за воспроизведением того легендарного штурма. Стоящая рядом бабушка в конце перекрестилась и сказала: **"Слава Богу, наши опять победили"**. Мы расцеловали её, думая: пусть эти слова звучат для нас всегда.